

**ЭМИЛЬ
БРАГИНСКИЙ**

УЧИТЕЛЬ

ПЕНИЯ

Эмиль Вениаминович Брагинский

Учитель пения

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183991

*Эмиль Брагинский Московские каникулы: сборник: Азбука; Санкт-Петербург; 1998
ISBN 5-7684-0619-0*

Аннотация

«... – Перерыв! – объявил председатель. – Пошли в буфет, товарищи. Мы славно поработали и заслужили булочку с кефиром. – Извините, – вмешался Соломатин. – Я руководитель детского хора. Что мне сказать детям? Председатель недовольно поморщился, а один из членов жюри пошутил и сам рассмеялся собственной шутке: – Передайте им, чтобы хорошо учились! – Вы член жюри по юмору? – спросил Соломатин. – Мы сообщим наше решение, – уныло сказал председатель, – в установленном порядке! – Но это же дети! – повторил Соломатин. – Они установленных порядков не понимают! – Не скандальте! – Председатель двинулся к выходу, но Соломатин загородил ему дорогу. – Кроме «спасибо», товарищи, у вас не нашлось для детей ни одного человеческого слова! И почему вы жуете, когда они поют? – Я не имею права высказываться заранее, – вздохнул председатель. – Это же конкурс. Но вы им передайте, пожалуйста, что на фестиваль они безусловно пройдут! – Спасибо большое! –

растерянно ответил Ефрем Николаевич. Председатель двинулся к выходу, невесело добавив: – А жевать – я ничего не жую. Это у меня после гриппа воспаление лицевого нерва и тик! И Соломатин почувствовал, что у него самого задергалась щека, от смущения он прикрыл ее рукой. ...»

Содержание

Эмиль Вениаминович Брагинский	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эмиль Вениаминович Брагинский

Учитель пения

Учителем пения называется человек, который ведет в школе уроки пения и получает зарплату, соответствующую важности предмета...

Дети вышагивали по улице, счастливые и гордые, и, задирая головы, поглядывали на Ефрема Николаевича. Длинный-предлинный Ефрем Николаевич возвышался над мальчишеской толпой, которая шумела как бы несколькими этажами ниже. Ефрем Николаевич нес что-то непонятное, завернутое в тряпку. Время от времени он смотрел на предмет, который держал, и на лице появлялась озорная улыбка. Потом улыбка исчезала и вновь уступала место виновато-растерянному выражению. Дело в том, что Ефрем Николаевич Соломатин торопился домой и точно знал, как его дома встретят.

Вся ватага ввалилась в просторный зеленый двор. Здесь Соломатин свернул в подъезд, а мальчишки остались ждать во дворе и сразу стали озабоченными.

Вскоре Соломатин уже стоял на пороге так называемой большой комнаты, в которой жена гладила белье, а младшая дочь, Тамара, недавно окончившая среднюю школу, разговаривала по телефону. В глубине маленькой комнаты стар-

ший сын, Дима, чертил на доске, откидывавшейся от стены. Квартира и так была тесной, но казалась еще меньше оттого, что в большую комнату был втиснут рояль.

– Вот, я принес! – робким голосом произнес Ефрем Николаевич.

– Что ты принес? – спросила жена, Клавдия Петровна, еще ничего не подозревая.

– Как бы это тебе сказать... – мялся Соломатин. – В общем, ты можешь взглянуть...

– Вова! – шепнула в трубку Тамара. – Позвони мне позже, тут папа что-то принес.

Клавдия Петровна поставила утюг на подставку. Из маленькой комнаты выглянул Дима.

– Только не сердись! – Ефрем Николаевич развернул скомканную тряпку, внутри которой... спал щенок.

– Что это такое? – Клавдия Петровна даже села и спросила тихо-тихо, потому что была потрясена.

– Разве ты не видишь? – переспросил муж. – Это собака!

– Колоссально! – высказался Дима и скрылся в маленькой комнате.

– Какая прелесть! – воскликнула Тамара. – Где ты ее достал?

– Мне хор подарил.

– Какая это порода?

– Хорошая, плохую я бы не взял.

– Зачем нам собака? – заговорила жена, и лицо Ефрема

Николаевича приняло мученическое выражение. – Здесь и так повернуться негде. За собакой нужно ухаживать. Ее нужно водить гулять, ее нужно мыть, ее нужно кормить. Ведь неизвестно, какая вырастет собака – большая или маленькая...

– Это как получится... – неопределенно сказал Ефрем Николаевич.

– Если большая собака – ей нужно специально готовить. Кто будет этим заниматься? Ты знаешь, сколько это стоит?

– Не знаю... – ответил затюканный муж.

– Одним словом, – подытожила жена, – пойд и отнеси собаку туда, где ты ее взял!

– Клавдия Петровна! – Ефрем Николаевич даже выпрямился. – Эту собаку я не верну! Я давно мечтал иметь собаку, и я ее завел!

– Все равно, – пригрозила Клавдия Петровна, – когда ты уйдешь на работу, я ее выкину!

– Клава! – выкрикнул муж. – Ты не можешь выбросить живое существо! Это живая собака, Клава...

Клавдия Петровна взялась за утюг.

– Не хватало, – сказала она с явной издевкой, – чтобы ты приволок в дом дохлую собаку!..

Главное в семейной жизни – не терять чувства юмора. Ефрем Николаевич бочком-бочком протиснулся на маленький балкон, который выходил во двор.

Мальчишки, закинув головы, выжидающе смотрели на

учителя.

– Нас поругали, – хитро улыбнулся Соломатин, имея в виду себя и щенка, – но нас не выгнали!

Итак, прошло какое-то время, щенок получил кличку Тинг, вырос и превратился в симпатичную взрослую собаку среднего размера. Как известно, несимпатичных собак не бывает. Привилегию быть несимпатичными люди оставили за собой. Тинг ежедневно сопровождал Ефрема Николаевича в школу, и в зале, где репетировал хор, у Тинга было свое персональное место – возле своей персональной ножки рояля.

Вошел Соломатин, и, как положено, дети встали.

– Садитесь! Здравствуйте! Меня зовут Ефремом Николаевичем. У нас с вами будет урок пения. – Это хорошо, что вы улыбаетесь! – продолжал Соломатин. – Потому что петь весело. Человек отчего поет? От радости.

– И от горя тоже! – вставила аккуратная светленькая девочка. – Я вот ходила на «Князя Игоря», и там Ярославна поет, потому что мужа в плен взяли!

Класс грохнул.

– Это тоже верно! – кивнул Соломатин. – И еще – у нас при школе есть хор мальчиков. Туда принимают всех желающих.

– Я желаю! – поднялся толстенький паренек, Кира. В каждом классе есть ребята, считающие своим долгом балагурить

и паясничать. – Только у меня ни голоса, ни слуха.

– Сейчас проверим! – Соломатин открыл крышку рояля, взял аккорд и проиграл простенькую мелодию. – Повтори!

Кира охотно повторил, да так, что все, как говорится, зашлись, и Соломатин вместе со всеми.

– Вот видите! Я к музыке неспособный! – победоносно заявил Кира.

– Ладно, приходи на спевку! – проговорил сквозь смех Соломатин.

– Так я ведь не умею!

– А я научу!

После урока Соломатин вышел из класса и направился к двери, на которой было написано «Заведующий учебной частью».

– Наталья Степановна, – сказал Соломатин, входя, – сейчас проходит всероссийский смотр. Если мы попадем в финал, поедем в Москву и что-нибудь там получим, мы сможем всюду хвастать этим фестивалем...

– Правильно! – поддержала завуч. – У нас замечательный хор, я его так люблю! Если вы что-нибудь получите, от нас отвяжутся с тысячей других дел!

– Неправильно! – возразил Соломатин. – Если мы получим премию, мы сделаем нашу школу первой школой с певческим уклоном! Ну как? – Соломатин был горд своим предложением.

– А зачем? – оторопела завуч.

– В Венгрии уже есть, дети лучше учатся, и объем легких у них увеличивается, и дети становятся одухотвореннее...

– Не надо! – разволновалась завуч. – Если все дети начнут петь, от шума можно будет с ума сойти!

– Привыкнете! – пообещал Соломатин, направился к выходу, но в дверях обернулся. – Вы тоже будете петь вместе со всеми!

– Отметка по пению зря включена в аттестат зрелости! – крикнула завуч вдогонку, а руководство всегда право.

Хор мальчиков под управлением Соломатина заканчивал петь песню, когда отворилась дверь и в зал вошел Кира.

Тинг, который сидел под роялем на своем привычном месте, поднял голову и повил хвостом. И только когда хор смолк, Тинг легонько тьякнул, приветствуя новичка.

– Значит, встретимся завтра на конкурсе! – объявил Соломатин.

– Ура! – грянул хор.

– Вот, я пришел! – доложил Кира. – А почему здесь собака, она тоже поет?

– Обычно аккомпанирует на рояле, – ответил Соломатин. – Только сегодня собака не в настроении. Для начала, Кира, ты поработаешь с ассистентом. Тинг, вперед!

Соломатин с собакой ушли, а Андрюша протянул новичку руку.

– Андрюша Минаев! Ты Баха любишь?

Кира не нашелся, что ответить.

– Прокофьева, Шостаковича?

Кира пожал плечами.

– Ну а Верди, Бизе?

– Бизе люблю! – обрадовался новичок. – Еще больше люблю Наполеон и Эклер с заварным кремом! – И победоносно поглядел на хористов, ожидая привычной реакции. Но ее не последовало.

– На первый раз прощаем, а на второй набьем... – Шура показал кулак. Среди певцов тоже бывают драчуны, и не только в детском возрасте.

Каждое утро в семье Соломатиных начиналось в принципе одинаково. Тинг вертелся возле стола, держа миску в зубах и стуча ею об пол. Непрерывно звонил телефон.

И вот сейчас Клавдия Петровна сняла трубку и, узнав, кого вызывают, сказала:

– Томы нет!

Звонили, как правило, дочери.

Тамара вышла из ванной, запахнувшись в халатик, как всегда, баснословно красивая.

Опять задребезжал телефон. Тамара сняла трубку.

– Тамары нет! – сказала она и добавила: – Надоели!

– Гогунцовым уже дали квартиру, – тараторила Клавдия Петровна, – и Бржезицким тоже... Если не ходить в испол-

ком и не кланчить... А ты учитель, – она привычно нападала на мужа, – учителям что-то там полагается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.